

III. Социальные и религиозно-философские практики

Елена Андрущенко

Белинский, Гоголь, Грядущий Хам и желтолицы позитивисты

Статья «Грядущий Хам» уже более столетия вызывает самые разноречивые интерпретации¹. Еще З. Гиппиус вспоминала, как в Париже «просили Мережковского объяснить, кто такой „хамовина“»², а П. Краснов в романе «За чертополохом» (1922) сокрушался, что «поклонился хаму великий русский народ»³. Одно из наиболее ярких выступлений Мережковского-публициста, действительно, допускает его прочтение и как мифологизацию русской интеллигенции⁴, и как пророчество о массовом обществе⁵, и как отклик на общественную и культурную борьбу той поры⁶, и как текст, в котором, по словам организаторов конференции «Д.С. Мережковский: литератор, религиозный философ, социальный экспериментатор», создан символ Грядущего Хама «с его неоднократными приходами и неокончательной воплощаемостью». Под влиянием тревожащих мыслей писателя, вызывающих те или иные истолкования, оказалось немало исследователей, и я в их числе, воспринимавших сказанное Мережковским в прямом смысле. Между тем, есть основания полагать, что в его метафорической формуле: «Одного бойтесь – рабства и худшего из всех рабств – мещанства и худшего из всех мещанств – хамства, ибо воцарившийся раб и есть хам, а воцарившийся хам и есть черт – уже не старый, фантастический, а новый, реальный черт, действительно страшный, страшнее, чем его малюют – грядущий Князь мира сего, Грядущий Хам»⁷ – семантика ключевых понятий является результатом многолетнего приращения смысла. Его распознавание, как представляется, дает возможность сегодня прочитать эту статью как статью о личности.

1. *Мещанство*. На мой взгляд, источником разного понимания читателями «Грядущего Хама» является отбор и спекулятивная интерпретация Мережковским цитат из статьи Герцена «Концы и начала» (1862–1863). В этой статье, посвященной проблемам социальной трансформации в Европе, мещанство как слой общества описано Герценом в социокультурных категориях. Как полагает А.Л. Семенова, «он трактовал это понятие намного шире, чем сословное определение, которое было узаконено в России с конца XVIII века»⁸. Мережковский,

¹ Ляцкий, Евгений. Среди новых книг // Вестник Европы, кн. IV, 1906, с. 807-816; Аврелий [Брюсов, Валерий]. Вехи. III. Черт и Хам // Весы, кн. III-IV, 1906, с. 75-78; Сологуб, Федор. О Грядущем Хаме Мережковского // Золотое руно, № 4, 1906, с. 102-105; Стародум, Николай. Журнальное и литературное обозрение // Русский Вестник, кн. III, 1906, с. 264-285; Басинский, Павел. Хам уходящий. «Грядущий Хам» Д.С. Мережковского в свете нашего опыта // Новый мир, № 11, 1996, с. 212-228; Кондаков, Игорь. К феноменологии «грядущего хамства» // Д.С. Мережковский. Мысль и слово. Ред. кол. Всеволод Келдыш и др. Москва: Наследие, 1999, с. 150-163; Корецкая, Инна. «Грядущий Хам» Мережковского: текст и контекст // Там же, с. 136-149; Крутоус, Виктор. Смена поколений и жанр «духовных завещаний» в русской культуре конца XIX – первой трети XX в. // Поколение в социокультурном контексте XX в. Москва: Наука, 2005, с. 406-425; Максимов, Петр. «Грядущий Хам» Д.С. Мережковского и тенденции развития культуры в условиях глобализации в: 100 лет Серебряному веку: материалы междунар. науч. конф. / [Науч. ред. Борис Бугров, Любовь Кихней]. Москва: МАКС-пресс, 2001, с. 75-80.

² Гиппиус-Мережковская, Зинаида. Дмитрий Мережковский. Париж: YMCA-press, 1951, с. 156.

³ Краснов, Петр. Сочинения в 2 книгах. Кн. I. За чертополохом. Москва: НПК «Интелвак», 2004, с. 579.

⁴ Андрущенко, Елена. Вечный Хам // Литература в контексті культури. Зб. наук. праць. [Ред. кол. Віктор Гусев та ін.]. Дніпропетровськ: Видавництво Дніпропетровського університету, вип. VI, 2001, с. 51-62.

⁵ Волженина, Екатерина. Феномен массовой культуры в восприятии русских символистов конца XIX – начала XX в. Автореф. дис. <...> канд. ист. наук. Москва, 2014.

⁶ Цимборска-Лебода, Мария, Богомолов, Николай. К проблеме «Мережковский и Вяч. Иванов» // Studia Rossica VII. W kraju I na jbczyznie. Literatura rosyjska XX wieku / Red. Wiktor Skrunda. Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 1999, s. 65-80.

⁷ Мережковский, Дмитрий. Грядущий Хам // Он же. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет / Сост. Евгения Данилова. Москва: Советский писатель, 1991, с. 350-377; с. 375.

⁸ Семенова, Александра. Рецепция идей А.И. Герцена в русской публицистике начала XX века // Медиаскоп. История литературы и публицистики. Электрон. научн. журнал фак-та журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, № 4, 2012. Эл. версия. <http://www.mediascope.ru/node/1233>. 01.06.2016.

цитируя выразительные строки предшественника, переключает социокультурное в этическое. Он создает образ «бесконечного и безначального продолжения мира в явлениях, бесконечной и безначальной, непроницаемой для человека среды явлений, середины, посредственности, той абсолютной, совершенно плотной, как Китайская Стена, „сплоченной посредственности”, conglomerated mediocrity, того абсолютного мещанства...»⁹, которым и оперирует в книге о Гоголе, в статье «Пророк русской революции (К юбилею Достоевского)» и др. Конечно, сам образный строй статьи Герцена давал возможности для подобных манипуляций. Но как позитивизм понимается Мережковским вне научной методологии, так и мещанство оказывается у него метафорой умеренной сытости, приобретательства, беспорывной и непрерывной жизни от предков к потомкам, без конца, сплошным «серединным царством»¹⁰.

2. Формирование смысла ключевых понятий «Грядущего Хама», вероятно, приходится на время знакомства писателя с письмами Флобера Жорж Санд (1888), рассказами Чехова (1888) и лекцией Э. Шаванна «О социальной роли китайской литературы» (1893), а развитие и уточнение – на время создания «Судьбы Гоголя» (1903) и статьи «О новом религиозном действии (Открытое письмо Н.А. Бердяеву)» (1905). Частичным подтверждением этого предположения могут быть сложные текстовые образования, в которые статья «Грядущий Хам» помещена при подготовке Мережковским второго собрания сочинений. Она публиковалась в XIV т. вместе со статьей «Пророк русской революции», статьями о русской интеллигенции и с прибавлением статьи «Желтолицые позитивисты». Этот том вышел в свет в окружении XIII тома, в который вошел сборник «Не мир, но меч», и XV тома, составленного из «Больной России» и «Гоголя». По общности семантики заглавия и аргументации к анализу может быть привлечена статья «Еще шаг Грядущего Хама» (1914), а в связи со сквозными образами – лекция «Завет Белинского. Религиозность и общественность русской интеллигенции» (1915). «Грядущий Хам» включается, таким образом, в целый ряд связанных с ним произведений.

3. *Позитивизм.* Идея деятельности накапливающих и распределяющих из статьи «Старый вопрос по поводу нового таланта („В сумерках” и „Рассказы” Чехова)» в статье «Желтолицые позитивисты» помогает сформулировать мысль о «ложной» китайской культуре, основанной на «самом строгом позитивизме в служении принципу Пользы»¹¹. Ей, по мнению автора, грозит гибель от «рассудка и расчета», от отсутствия «того творческого самозабвения, той вдохновенной, народной фантазии, того священного Прометеева огня, которым так щедро наделила природа сравнительно более молодые арийские и семитские племена. Без этого огня никакая культура, никакое развитие внешнего благосостояния, государства, быта и комфорта не идут впрок человеку. Когда люди стремятся к одной пользе, то они и пользы не достигают, потому что существо человеческое чахнет и вырождается без порывов к божественному, к бескорыстному, к „бесполезному”, как растение – без солнца и воздуха»¹². Сущность китайской культуры, полагает Мережковский, – польза как «затаеннейшая мысль Духа Черни»¹³ и отсутствие личного дерзания. Опыт этой культуры рассматривается им как назидание «тем европейским китайцам – позитивистам и утилитарианистам, которые, для удобства и комфорта, пытаются урезать, искалечить, сократить человеческое существо, втиснуть в прокрустово ложе пользы и расчета, обескрылить вечно мятежную, огненную Психею и превратить ее в добродетельную, покорную и ползучую тварь!»¹⁴. Ср. в статье «Еще шаг Грядущего Хама»: «Футуризм есть утверждение даже не механики, а „машинности”, т.е. бездушности. Убийство Психеи, „души мира”, „вечной женственности”»¹⁵.

«Китайские» фрагменты «Грядущего Хама» являются кратким переложением вводной и заключительной главок «Желтолицых позитивистов». «Слой» «Грядущего Хама», идущий от

⁹ Мережковский, Дмитрий. Грядущий Хам, с. 352.

¹⁰ Там же, с. 355.

¹¹ Мережковский, Дмитрий. Желтолицые позитивисты // Он же. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы / Изд. подг. Елена Андрущенко. Санкт-Петербург: Наука, 2007, с. 584-599; с. 584.

¹² Там же, с. 585.

¹³ Там же, с. 584.

¹⁴ Там же, с. 599.

¹⁵ Мережковский, Дмитрий. Еще шаг Грядущего Хама // Он же. Вечные спутники. Роман. Стихотворения. Литературные портреты. Дневник / Сост., примеч. Тимофея Прокопова. Вступ. статья Наталья Солнцева. Москва: Школа-Пресс, 1996, с. 675-683; с. 678.

переписки Флобера, связан с политическим индифферентизмом выдающихся личностей и отношением к толпе, черни. «Когда Гёте говорит о французской революции, – замечает Мережковский, – он вдруг никнет к земле, точно по какому-то злему волшебству великан сплющивается, сморщивается в карлика, из эллинского полубога становится немецким бургером и – да простит мне тень Олимпийца – немецким филистером, „господином фон Гёте“, тайным советником Веймарского герцога и честным сыном честного франкфуртского лавочника. Когда Флобер утверждает: *la politique est faite pour la canaille*, – с грустью вспоминаешь салон принцессы Матильды и другие раззолоченные хлевы второй империи, где метал этот Симеон-столпник эстетики жемчуг перед свиньями, проповедуя свою новую олигархию из „ученых мандаринов“. Когда Ницше делает глазки не только Бисмарку, но и русскому самодержцу, как величайшим проявлениям „воли к могуществу“ – „*Wille zur Macht*“ среди современной европейской немощи, то и на бледном челе „распятого Диониса“ выступает то же черное пятно мещанской заразы»¹⁶.

4. *Хам и Раб*. С одной стороны, хам – это «воцарившийся раб»¹⁷. С другой, хамство – это «достигшее своих пределов и воцарившееся мещанство»¹⁸, как говорится в «Грядущем Хаме». В открытом письме Н.А. Бердяеву хамом назван Антихрист: «Будучи истинным хамом, „лакеем Смердяковым“ *sub specie aeterni**¹⁹, он будет казаться величайшим из царей земных, прекраснейшим из сынов человеческих. По древнему преданию церкви, „во всем Христу уподобится“. Этим-то ложным подобием он и соблазнит всех, кроме избранных. Почему это кажется Вам невероятным? Разве на наших глазах во всемирной истории не происходит то же самое, истинные хамы кажутся великими царями, а великие цари оказываются истинными хамами. Так было, есть и будет – будет в большей степени, чем было когда-либо. Современное государство есть мещанство; окончательно победившее, воцарившееся мещанство есть хамство. Ежели Бог – абсолютная свобода, то дьявол абсолютное рабство. Раб, который стал на место Божье, на место Царя царствующих, и есть последний величайший Хам»²⁰. Он представляется Мережковскому «духом вечной середины, пошлости, плоскости, ведь пошлость и есть абсолютное небытие, которое хочет казаться абсолютным, единственным бытием»²¹. В «Грядущем Хаме» он переиначивает формулу Бакунина: «Бог есть, значит, человек – раб. Человек свободен, значит, нет Бога. Я утверждаю, что никто не выйдет из этого круга, а теперь выберем»²², когда пишет: «Дилемме Бакунина, утверждающей Бога ненависти и рабства, т.е., в сущности, не Бога, а дьявола, можно противопоставить другую дилемму, утверждающую истинного Бога, Бога любви и свободы: „Бог есть – значит, человек свободен; человек – раб, значит, нет Бога“»²³. Комментируя письма Чаадаева, Мережковский утверждает, что «источником всех наших рабств»²⁴ является рабство церкви. В его обращении к «милым русским юношам» звучит призыв не бояться «никакой свободы, не только внешней, общественной, но и внутренней, личной, потому что без второй невозможна и первая»²⁵. Так что речь идет о религиозной свободе, в основе которой лежит не только признание существования Бога, но и того, что он есть «совершенная» свобода и любовь»²⁶.

5. *Чёрт и Хам*. Что хам и чёрт – одно и то же лицо, Мережковский подчеркивает многократно. Так, в одной из его незавершенных пьес герой произносит вслед за своим литературным предшественником: «Я ваш Личарда верный, ваш Мефистофель»²⁷, то есть,

¹⁶ Мережковский, Дмитрий. Грядущий Хам, с. 365.

¹⁷ Там же, с. 375.

¹⁸ Там же, с. 355.

¹⁹ *Под знаком Вечности (лат.) (перевод и сноски Д. Мережковского – Е. А.)

²⁰ Мережковский, Дмитрий. О новом религиозном действии (Открытое письмо Н.А. Бердяеву) // Он же. Большая Россия / Авт. предисл. и послесл., сост. Сергей Савельев. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1991, с. 91-110; с. 101.

²¹ Там же, с. 102.

²² Мережковский, Дмитрий. Грядущий Хам, с. 360.

²³ Там же, с. 361.

²⁴ Мережковский, Дмитрий. Чаадаев // Он же. Акрополь: Избранные литературно-критические статьи / Авт. послесл. и коммент. Сергей Поварцов. Москва: Книжная палата, 1991, с. 294-303; с. 300.

²⁵ Мережковский, Дмитрий. Грядущий Хам, с. 375.

²⁶ Там же, с. 361.

²⁷ Мережковский, Дмитрий. Пьеса // ОР ИРЛИ, ф. Д.С. Мережковского, оп. 24217, ед.хр. 100, л. 25об.

слуга и чёрт. Слова «хам», «слуга», «чёрт» вступают в синонимичные отношения. В статье «О новом религиозном действии» Мережковский цитирует слова Бердяева: «О, конечно, середина, плоскость, мещанская пошлость, позитивистическое небытие – есть чёрт... Есть плоское человекобожество, когда человек с лакейским (я говорю: хамским) самодовольством ставит себя на место Бога»²⁸. В книге о Гоголе, написанной незадолго до «Грядущего Хама», природа дьявольского понимается не как противоположная божественной, а как имитирующая ее: «Бог есть бесконечное, конец и начало сущего, чёрт – отрицание Бога, а следовательно, и отрицание бесконечного, отрицание всякого конца и начала; чёрт есть начатое и неоконченное, которое выдает себя за безначальное и бесконечное; чёрт – нуменальная середина сущего, отрицание всех глубин и вершин – вечная плоскость, вечная *пошлость*»²⁹.

Чичикова и Хлестакова Мережковский называет двумя «ипостасями вечного и всемирного зла – „всемирной пошлости людской”» и видит за ними «соединяющее их третье лицо» – «лицо чёрта „без маски”, „во фраке”, в „своем собственном виде”»³⁰. В комментариях к житейской философии Хлестакова и Чичикова очевидна контаминация элементов, характеризующих у Мережковского позитивизм и мещанство: «Они – два полюса единой силы; они – братья-близнецы, дети русского *среднего* сословия и русского XIX века, самого серединного, буржуазного из всех веков; и сущность обоих – вечная середина, „ни то, ни сё” – совершенная пошлость. Хлестаков утверждает то, чего нет, Чичиков – то, что есть, – оба в одинаковой пошлости. Хлестаков замышляет, Чичиков исполняет. Фантастический Хлестаков оказывается виновником самых разных реальных русских событий, так же, как реальный Чичиков виновником самой фантастической русской легенды о „Мертвых душах”. Это, повторяю, два современных русских лица, две ипостаси вечного и всемирного зла – чёрта. <...> Это не два противоположные конца и начала, не две безумные, но все-таки честные крайности, а две бесчестные, потому что слишком благоразумные, середины, две одинаковые плоскости и пошлости нашего века»³¹. В этом контексте Хлестаков называется и в статье «Еще шаг Грядущего Хама»: «...воскликает футуризм с хлестаковской развязностью. Смешон „Хлестаков, залетевший в надзвездные пространства”, – смешон, но может быть, и страшен»³².

6. *Милые русские юноши*. В «Грядущем Хаме» звучит призыв к русским юношам не бояться «глупого старого чёрта политической реакции», «никаких соблазнов, никаких искушений, никакой свободы»³³. Между тем, опыт предшественников – тех русских интеллигентов, образы которых создаются в ряде его работ, свидетельствует о неспособности их интеллекта «соединить свободу с Богом»³⁴. Мифологизация русской интеллигенции идет путем утверждения ее бессознательной религиозности, подчеркиваемой в лекции о Белинском, в статьях «Интеллигенция и народ» (1908), «Семь смиренных» (1909)³⁵ и др. Однако в своей аргументации Мережковский то и дело из этической и религиозной сфер переключается в эстетическую, и тогда «странные лица» Базарова, Раскольников, Алеша и Ивана Карамазовых, а также их создателя оказываются собирательным образом всей русской интеллигенции. С ней связываются проекты религиозной общественности, которая, по мысли писателя, ведет «от Христа Пришедшего к Христу Грядущему»³⁶. Здесь, правда, он вступает в некоторое противоречие.

7. *Личность*. В «Л. Толстом и Достоевском», в «Грядущем Хаме» и в «Завете Белинского» возникает сквозной сюжет: в письме Страхову Достоевский через тридцать лет вспоминает, как Белинский «ругал» при нем Христа. В «Л. Толстом и Достоевском» слова писателя остаются без комментария, в «Грядущем Хаме» сопряжены с откликом Белинского о «Выбранных местах из переписки...» Гоголя, в «Завете Белинского» становятся лейтмотивом и

²⁸ Мережковский, Дмитрий. О новом религиозном действии (Открытое письмо Н.А. Бердяеву), с. 104.

²⁹ Мережковский, Дмитрий. Гоголь и черт (Исследование) // Он же. В тихом омуте, с. 213-309; с. 213.

³⁰ Там же, с. 215.

³¹ Там же, с. 227-229.

³² Мережковский, Дмитрий. Еще шаг Грядущего Хама, с. 682.

³³ Мережковский, Дмитрий. Грядущий Хам, с. 375.

³⁴ Мережковский, Дмитрий. Завет Белинского. Религиозность и общественность русской интеллигенции // Он же. Вечные спутники. Роман. Стихотворения. Литературные портреты. Дневник, с. 489-509; с. 508.

³⁵ См. подробнее: Андрущенко, Елена. Д.С. Мережковский против «Вех» // Сборник «Вехи» в контексте русской культуры / [Отв. ред. Аза Тахо-Годи, Елена Тахо-Годи]. Москва: Наука, 2007, с. 163-168.

³⁶ Мережковский, Дмитрий. Грядущий Хам, с. 377.

связаны с темой личности. Она сводится, в конечном счете, к вопросу: «Свобода без Бога, или Бог без свободы?»³⁷, ответ на который не дал Белинский, но призваны дать его последователи: «Нет ли такого понимания религии, – задается вопросом Мережковский, – такого утверждения Бога, которое включает в себя утверждение свободы человеческой? <...> Как соединить свободу с Богом? Белинский искал соединения, но не нашел. Найти его и значит исполнить завет Белинского»³⁸. Отношение к Достоевскому, таким образом, оказывается чрезвычайно сложным. В статье «Пророк русской революции (К юбилею Достоевского)» Мережковский признается, что обнаруживает «непримиримое противоречие между внешнею оболочкою и внутренним существом»³⁹ писателя. Он принимает Достоевского как художника, которого, как и его героев, готов назвать символом русской интеллигенции, но спорит с ним как с мыслителем, «преодолеть ложь» которого «можно только правдой Белинского»⁴⁰. В открытом письме Бердяеву Мережковский уточняет: «Но разве Вы не видите, какая страшная антиномия между тем, что люди называют „любовью“, и тем, что они называют „свободой“? Быть свободным значит для них – утверждать себя, хотя бы против других; любить – утверждать других, хотя бы против себя. Как же соединить отрицание себя с утверждением себя? Люди не только этого не делают, но и не подозревают, что это можно и нужно сделать: когда они любят или, вернее, хотят любви, то естественно отказываются от свободы; когда свободны или, вернее, хотят быть свободными, то естественно отказываются от любви»⁴¹. Между тем, Сын Божий принес истину, которой это противоречие разрешается: «познайте истину – любовь и будете свободными»⁴². Таким образом, мещанству, рабству и хамству, пролагающим путь Грядущему Хаму, противопоставлены личность, любовь и свобода.

Статья «Грядущий Хам» породила различные социально-публицистические прочтения. Однако рассмотренная с дистанции большого исторического времени, она приобретает более глубокое и сложное нравственно-философское звучание. Завершим оборванную выше цитату из книги о Гоголе – это выразительный фрагмент, в котором характеризуются «современные русские лица», за которыми «скрыто» лицо чёрта: «не далекое, чуждое, странное, фантастическое, а самое близкое, знакомое, вообще реальное „человеческое, слишком человеческое“ лицо, лицо толпы, лицо „как у всех“, почти наше собственное лицо в те минуты, когда мы не смеем быть самими собою и соглашаемся быть „как все“»⁴³. Возвращаясь из сферы религиозной в этическую, с чего Мережковский и начинал комментарии к статье Герцена «Концы и начала», мы получаем возможность видеть, что Грядущий Хам «с его неоднократными приходами и неокончательной воплощенностью» – это предупреждение не только о политическом, общественном, социальном неблагополучии, но и о личном выборе быть самими собой и не соглашаться быть «как все».

Примечания:

ОР ИРЛИ – Отдел рукописей Института русской литературы Российской академии наук

Elena Andrushchenko: **Belinsky, Gogol, The Forthcoming Ham and yellow-faced positivists**

Merezhkovsky's article, "The Forthcoming Ham", has attracted many interpretations shaped by the sociocultural context in which they were created. The report proposes a concept, according to which the nature of this article can be determined by examining it with Merezhkovsky's research on Belinsky, Gogol, futurism and Chinese literature in mind. This involves matching identical terms in different texts and clarifying the semantics of words and phrases believed to be central to these. The results of such considerations allow regarding this article as an article about personality.

Keywords: positivism, philistinism, vulgarity, "ham", slave, lackey, devil

³⁷ Мережковский, Дмитрий. Завет Белинского. Религиозность и общественность русской интеллигенции, с. 508.

³⁸ Там же.

³⁹ Мережковский, Дмитрий. Пророк русской революции (К юбилею Достоевского) // Он же. В тихом омуте, 1991, с. 310-349; с. 311.

⁴⁰ Мережковский, Дмитрий. Завет Белинского. Религиозность и общественность русской интеллигенции, с. 507.

⁴¹ Мережковский, Дмитрий. О новом религиозном действии, с. 97-98.

⁴² Там же, с. 99.

⁴³ Мережковский, Дмитрий. Гоголь и черт, с. 215.